

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Муж мне в тот раз попался просто дрянь. Бесконечные сокурсницы, сотрудницы, наши-санитарки, просто-знакомые и даже обычные тетки; вечные отсутствия, ежедневная брехня, бухло. Я пьяных-то и близко никогда не видела, а тут пожалуйста, зоопарк в моем багаже. Да еще и деньги из дома ухитрился подкрадывать, когда я каждую копейку считала. А у меня был маленький ребенок, диплом и куча планов. Выправится, думала, как-то. Мальчики, они ж медленнее развиваются.

А потом я защитилась и сразу поступила в аспирантуру. И уж после того послала все-таки супруга на огороды. Он к тому времени совсем оборзел – домой только переодеться заходил, али покушать. Но мы сразу не разводились, просто вместе не жили. Он, кажется, у какой-то доброй женщины тут же вписался. Формально причина была такая, что я ему изменила. Причем сама же о свершившемся и сообщила, что оказалось особенно для мужской гордости обидно.

А я тогда довольно часто ходила по Арбату. Время было такое, что лаять уже разрешили сколько хошь, а миску с хавчиком убрали насовсем. И на Арбат вылезали всякие колоритные личности. Хиппи многократные, с фенечками и дудочками, гадалки обоего полу, панки, похожие на плохо получившихся попугаев, потрепанный оркестр во главе с красномордым трубачом, пожилой фокусник с рваным ковриком, напористые провинциальные мальчики с анекдотами, белобрысый Игорь с консервы по классу баяна. Он регулярно дрался с пьяницами – основными его слушателями, – требовавшими репертуара попроще, и временами ходил с двумя подбитыми глазами сразу. Но играл все равно классику. Потому что настоящий художник не ищет понимания. Все это крутилось на улице целый день, как театр какой-то непрерывный. Ну и поэты там тоже лазили. Поэты молча развешивали вирши на заборах и смотрели оленьими глазами, пытаясь втюхать нетленку прохожим – но толпа текла мимо, равнодушная к бессмертному слову. Зато девушки до поэтов подбирались охотно и заводили романтические знакомства.

И вот однажды я услышала читку стихов какого-то облезлого гражданина, собравшего неслабую толпу. Читал он здорово. Со страстью, с хрипом, изо всех сил. Казалось, всю душу выкрикивает. Высоцкого чем-то напоминал. Стихи были про не возжелай жену ближнего, про совесть, еще про чего-то честное, – и из моего сегодняшнего далека ясно видно, что тексты никуда не годились. Да что за разница? Хороший актер и телефонную книгу прочитает так, что зал заплачет.

В общем, мы познакомились, и я его пригласила к себе домой. И завертелось. У меня никогда не было таких поклонников. С улицы! И он был артист, да. Театральный. А еще он был в розыске, за что-то несправедливое. Жить ему

было негде. Для меня это все были какие-то невообразимые и увлекательные обстоятельства. Что-то очень настоящее. Он столько всего пережил, чего я даже и слыхом не слыхала. И он еще умел танцевать любые танцы! Их там учили, в театральном. Боже, как он двигался. Он и меня обещал научить, но что-то не торопился. Да, и он был старше на 12 лет, что очень прибавляло шарма. Так что мы стали жить сначала у меня в коммуналке, а когда кончилось лето – у родителей на даче.

Он мотался на Арбат, читал стихи, потом возвращался и оставался с моим ребенком. Готовил, убирал. Только вот полы никогда не мыл. Почему-то ему полы нельзя было мыть. Ну это ж пустяки. Я ездила в институт, в библиотеку, в архивы, и чувствовала себя незаменимой, ослепительной и очень взрослой.

* * *

Диссертацию я писала на компьютере. По тем временам это было нечто вроде личного самолета, компьютеров ни у кого не было. А к компу прилагался принтер, на котором мы печатали его стихи. Потом додумались сшивать листы в книжечки, и название хорошее легло: «Душам – до востребования». Он больше не собирал деньги в шапку, а просто делал читку, а после продавал сборники. Сначала по чирику, потом по пятнашке. Деньги поднимались сумасшедшие, с моими жалкими стипендиями не сравнить.

Ездили мы теперь в основном на такси, обедали в ресторанах. Одевали меня у Зайцева. Раз в неделю артист куда-то исчезал: «в баню», – как он говорил, – и возвращался с редкостными и дорогими продуктами: колбасами, конфетами. И все в оптовых количествах. Я не могла понять, что за баня.

– Сандуновская, – отвечал он. Я не верила. Откуда конфеты в бане?

Продукты мы отвозили к родителям. Мама поджимала губы и всячески презирала, но подношения быстро прятала.

К декабрю мы накопили капусты и он осел на даче зимовать, потому что на Арбате стало холодно. Теперь в город ездила только я. А он начал писать, вот на компьютере как раз. Сейчас не могу вспомнить название повести, которую он тогда сочинил; что-то про поколение рок-н-ролл. Она состояла из отдельных сюжетов-клипов. Клип тогда был словом необычным, на тв они только появились. Один сюжет был про солдата, убитого в Афгане, и проститутку: разговор на том свете. А другой про землетрясение в Спитаке. Остальные не помню, но тоже все на злобу дня.

Я его тексты вычитывала, так как писал этот цветок тротуаров с чудовищной первобытной орфографией, и немножко редактировала стилистику. Немножко – потому что язык его был очень яркий. Это был язык улицы. Слова, которых я никогда не слыхала.

К весне повесть была закончена, и он отправился пристраивать товар. У меня глаза на лоб полезли, когда я узнала, куда: в «Новый мир», а еще – на Таганку, к Любимову. Он хотел ее переделать в сценарий и ставить. Я никогда не видела людей, которые могли бы зайти с улицы в «Новый мир». А у него повесть взяли и сказали ждать рецензирования.

До Любимова любимый не пробрался: кажется, тот был тогда не с нами. В Италии, что ли. Зато неожиданно разговорился с Филатовым и каким-то образом вогнал текст ему. Он еще вел переговоры с Битовым, который в то время крутился в газете «Московские новости», и собирался зацепиться с Сашей Соколовым. People skills у этого пассажира были отменные. Два хода по уголовке это большая жизненная школа.

У меня голова кругом шла от этой деятельности. Но нравилось очень. Хотелось, чтобы он стал великим поэтом, а я буду его вдохновлять и править тексты. Вот только розыск, черт бы его взял. Я спрашивала – что делать. Он сказал, что можно забухать, закружиться в какой-нибудь Туле, потом сказаться бродягой и очутиться в ЛТП. А там справку дают, на выходе, можно новый паспорт получить. Мимоходом выяснилось, что в ЛТП мой избранник тоже уже отмечился, но мысль на этом пустыке не задержалась. Еще был вариант пойти и сдать. Сейчас я думаю, что можно еще было купить другой паспорт; в те годы это было просто. Но мне тогда и в голову подобное не заходило. В общем, мы решили сидеть тихо, а там будь что будет. Единственное, я решила замуж за него выйти. А то он такой баззащитный.

Я разыскала первого бывшего, затянула в суд, отказалась от алиментов – зачем мне, раз он моего сына не хочет, – и получила развод. И летом мы поженились. Даже еще в церкви венчались. Это мне захотелось, – красиво очень. Оказалось, что в загсе никого не волнует, в розыске он там, или котят после завтрака душит. Печать ляпнула и досвиданья.

А он поменялся сразу, после загса. Хамить начал. «Женщина, марш на кухню», – в таком роде. Он так со мной никогда не разговаривал. Это я могла устроить истерику на ровном месте, а он всегда отступал и признавал, что виноват. А теперь каждый день оборачивался каким-то другим лицом: грубым, простым и противным. Я расстраивалась. Мы купили щенка.

* * *

А потом снова наступила осень, и снова ноябрь, и пора уже было на зимнюю лежку, и тут он пропал. Уехал с утра в город и не вернулся. Дня три я металась, пытаюсь звонить во все телефоны. Потом приехал брат и сказал, что моего татарина свинтили: он в ИВС на Молодежке, можно съездить. Я понеслась сперва в пятерку на Арбат – узнать, нельзя ли откупить, потом на Молодежку, потом в прокуратуру, потом еще куда-то. Но откусаться не получалось: его уже в Бутырку перевезли, и готовились в Челябинск этапировать, где собственно розыск и был объявлен.

Помню, утром у меня консультация в институте, а потом сумки в зубы и в Бутырку: очередь стоять с передачкой. В той очереди я начала курить. Курить мне не нравилось, но хотелось выглядеть настоящей женой декабриста. Меня очень поразили женщины в очереди, их лица. В них не было ни сурового горя, ни гневной скорби, ни вообще какой-нибудь особой значительности. Просто обычные женщины. Только уставшие очень.

А потом его увезли, и я начала искать адвоката. Последний год аспирантуры уже кончился, и стипендия тоже; защита планировалась на весну. А тут у нас суд,

да следствие, да с адвокатом торговаться – как?! Я не умела торговаться. Адвокат заломил несусветную цену. Это была стоимость новой тачки. Плюс оплатить все полеты в Челябинск, и там гостиницу, независимо от исхода дела.

Вот это я считала потом своим главным промахом: надо было договариваться, что, если стойка проиграет, плачу половину, а так у него стимула не было. Ну, самые ценные мысли всегда поздно приходят. Зато он сказал, что артиста отпустят. Точно отпустят, потому что состава нет. А что розыск – это ерунда, устроится как-то. Я верила. Думать о том, как будет, если не отпустят, было неохота.

Потом я полетела в Челябинск. Встретилась со следователем, потом с текущим, потом с бывшей подругой, узнала, что СИЗО в их краях называют всячкой, а суд будет в январе. И улетела обратно, писать свои сто двадцать страниц. Сын переехал к родителям, на даче поселились арбатские знакомые: они кормили сенбернара и сторожили комп.

В январе артиста судили. Фамилия адвоката была Хавкин, председателя суда звали Зуболомов, а следователь у нас оказался Федькин – и ничего этого я не выдумала. Статья сто семнадцатая, изнасилование. Чего там за история вышла, соколик мой не поделился. А подтверждений, кроме слов пострадавшей, да разломанного в ходе дискуссии стула, не нашлось. За стул подсыпали двести шестую, часть два. Пять лет на строгом.

Мне вот сейчас объясняют, что после двух путевок по бакланству он легко отделался и адвокат отработал по полной, но я тогда так не считала. Обещал ведь, что отпустят! Три билета, говорил, бери, обратных. А после сказал, что в процессе была куча нарушений, надо поднимать скандал в прессе и что дело яйца выеденного не стоит. На самом деле мне надо было срочно договариваться за касатку и платить шапире по новой, но кто ж про это знал!

В общем, я вернулась на дачу, выгнала жильцов, которые устроили там порядочную помойку, и начала готовиться к предзащите.

До конца весны я еще летала пару раз в Челябинск, навещала академика. Один раз даже прорвалась к начальнику тюрьмы – предупредить, что супруг может захотеть покончить с собой, от безысходности и тонкой душевной организации. Начальник показался галантным кавалером с красивыми погонами и большим чувством юмора. Пообещал, что глаз не спустит.

Я опять улетела. Заниматься сочинением скандальных публикаций, как советовал адвокат, было некогда, но все же я сходила к Битову и навестила «Новый мир».

В мае я защитилась. Вообще связь несколько прервалась тогда, я была в большой закрутке. А в середине лета мне принесли сразу пачку многостраничных писем, в которых законный сообщал, что прибыл на зону, и нет у него ни кружки, ни ложки, одежда вся поистлела, и еще что-то раздирающее душу дотла. Я сидела на бульваре, читала письма и рыдала. Даже миски у него своей нету. Какая бесчеловечность!

* * *

Потом побежала на почту, подписки на журналы заказывать. Он ведь там без литературы который уж месяц, потому и отчаянье. «Новый мир» ему на год выписала, «Наш современник», журнал «Нева», «Москва», «Ленинград» – все, что в голову зашло. Тогда в периодике был вал публикаций, которые в совке запрещали, и читалось это запоем. Но главная у меня была думка, что он на зоне писать начнет, благо обстановка способствует.

Филармония наладилась, но надо же было срочно кружку везти, с мискою. А денюх не было. Должность ученого секретаря, которая мне светила, уехала из-под носа сразу, как выяснилось, что супруг сидит. Я особо не расстраивалась – гонения как раз и подтверждали, что я настоящая декабристка.

Очень хотелось выкрутить как-нибудь бабки с Арбата. Вон их сколько кошельков гуляет. Там теперь другие поэты читали свое, мотали шеями, собирали толпы и продавали ксероксные сборники. А основоположник бизнеса сидел!

В принципе, я и сама могла почитать. А чего? Публике можно прогонять, что он за диссидентство парится. Тогда основная была тема – правду на площади объявить.

– Мы, соотечественники, головой тут собственной рискуем, запрещенное слово свое людям несем! Десяточка сборник. Вам два?

Народ, кстати, охотно очень велся.

А у меня институт неподалеку, другой институт, в котором работать собиралась, тоже рядом, музей, Ленинка, академические круги. А я в рваных штанах на площади стихи выкрикиваю. Волосы у меня были до пояса и море по колено. Меня это все веселило страшно, особенно бывшие коллеги, когда они в публике прятались, чтоб я не заметила. И еще я тогда научилась толпу держать. В преподавании потом сильно помогало. А денег немного совсем сделала, куда мне до артиста. Только-только на билеты, ну и по мелочи, колбаса-чай-папирсы. А хотелось конечно с размахом.

* * *

Сидел супруг на двойке. Республика Коми, станция Княжпогост, город Емва. Через пути перейти, и рядом. Тетки на вокзале сказали, сама увидишь. Где я увижу? Со мной кармический мальчик поехал, я попросила. Ему только шешнадцать стукнуло. Но больше никто не подписался, а вдвоем надежней. Я ведь про зону знала только, чего Солженицын писал. Так он когда сидел-то! Все равно. Под подошвы двадцатипятирублевки вклеила, в краешек ватника деньжата вшила, еще какую-то ерунду наверхтела.

И вот идем мы с мальчиком по шпалам, а вокруг черно, только рельсы под дождем поблескивают. А впереди сияет гора. Слепящая, белая, и до неба. Мы, пока вплотную не подошли, понять не могли, чего это. Оказалось, опилки. За горой тулился остов четырехэтажного здания, с пустыми проемами окон и без крыши.

Вхожу в здание, а там лестница без перил. Поднимаюсь на второй этаж, и тут ступеньки обрываются, и я вижу, что перекрытий между этажами нет. Как во сне все. Главное, свет яркий везде, а людей ни души. И тишина глухая.

Кармический тогда приотстал, и в здание я без него лазила. Выхожу обратно на площадку, а его нету. Как провалился. Елки. Пошла искать. Потом увидела забор, метра в пятнадцати. Щелястый, из досок, кривой и местами упавший. Сразу было не видно, потому что прожекторы слепили. За забором шла полоса земли, и там второй забор, с колючкой поверху. И вышки вдалеке. Зона!

Я побежала к поваленным доскам, через бетонную площадку, мимо прямоугольного чернеющего резервуара – кажется, в нем была вода. Там была не только вода. Там еще был мой мальчик. Он тихо плескался, подгребая к бортику.

– Иди-иди, сказал он интеллигентным голосом. Я тут случайно споткнулся. Сейчас выберусь.

В тот момент я до того разозлилась, что у меня просто речь отнялась. Детский сад какой-то. Я знала, что Димочка с приветом, но не думала, что привет такой большой. Суши его теперь.

Шипя от злости, я метнулась дальше. Возле забора замерла, пытаюсь сообразить, чего делать, и всматриваясь в темноту.

Меня тихо окликнули. Спросили фамилию и номер отряда. Я сказала. Там что-то ответили и замолчали. Я обернулась, стараясь разглядеть резервуар. В этот момент появился мой герой, и я про плователя забыла.

Потом на станции сказали, что глубина резервуара шесть метров, и то, что он сам смог вылезти из ледяной воды, было просто чудом. Помню, какое наступило облегчение, когда той же ночью мне удалось посадить мокрого мальчика в проходящий московский поезд.

На следующий день прохожий пацан за пятерку перебросил через колючку половину моих мешков с продуктами, и заодно показал место, откуда удобно кидать. Вторую половину я покидала сама. Один пакет упал между заборами и немножко рассыпался. Я спрыгнула с сарайчика, добежала до дыры в загородке и быстро подобрала свои кульки. Это не было безумством храбрых. Я даже не подозревала, что меня там могли законно хлопнуть.

В том городе были троутары из досок и тяжелое серенькое небо. А по улицам мотались бритые, с точеными лицами. Это все западало сразу в голову – иконописные скуластые лики и глаза. На каждого хотелось оборачиваться, как на картину. И думать потом три часа, про его жизнь. Мне казалось, что это все были незаурядные очень личности. Но так же не может быть. Или может?

* * *

Потом я вернулась во Москву. На Арбате стало холодно, но я продолжала читать, теперь уж больше из интересу.

Один раз из толпы выпал нетрезвый дядя со справкой, – только что откинулся. Другой раз итальянец Вертер из Римини, изучавший музыку в России. Потом пылкий и безмозглый скопинец с алыми гвоздиками: приехал свататься. Однажды подошла женщина и сказала, что Галина Старовойтова могла бы заняться делом моего мужа. Кто такая Галина Старовойтова?

Наползала зима, и первая поземка уже обметала углы.

Потом появился князь. У него была бородка клинышком, дорогой дипломат и интеллигентная оправа.

– Мы тут с товарищем... – начал он.

Пошли пить кофе. Дорогой выяснилось, что князь только что из Риги, большой вольнодумец, скрывается от левых, – и тут же попытался же купить мне колечко с янтарем за 90 рублей. Он долго отирался поблизости, подвисал на даче, ночевал у родителей и делал широкие жесты. Исчез он в один день и бесследно. Я думаю, что это был настоящий вор.

– А мы рэкетирами работаем, – радостно сообщил утюжок в адидасках. – Хотите вина, девочки? И расстегнул обширный клетчатый баул с получкой.

– Могильщики, – делился помятый гражданин с укоризненным лицом, – хорониться не желаете? Ваганьковское. Занедорого ложим в гробу, памятник отдельно. Срастемся?

В своей комнате на Сретенке я поставила ящик, в который складывала вырванные у судьбы консервы, концентраты и шоколад. По всем знакомым собирались талоны на сигареты. Однажды из ящика, тяжело шмякнувшись об пол, вывалилась толстая мышь. Роняя шоколадные крошки и перхая, мышь неспешно удалилась под диван. Слышно было, как она там возилась, устраиваясь.

* * *

Под новый год я снова поехала на зону. Как раз гонорар пришел, за публикацию в «Памятниках культуры». Немыслимая какая-то сумма – рублей триста, что ли. Хватило сразу на все – и на дорогу, и на колбасу, и на бурьян для любимого.

Республика Коми лежала снежная, тихая. В магазинах продавали телогрейки и кирзу, в автобусе проверяли паспорта – ловили беглых. Я выучила слово Сыктыв-кар, и в поезде зачитывалась чудными северными словами: Турья, Весляна, Божьюдор, Хановой, Чиньяворык, Сивая Маска.

– Номерки у нас на восемь коечек, – объясняла гостиница.

– Нам пожалуйста один в этом случае. Мы тут с братом. Да смотрите чтоб никого не подсаляли к нам. Брат мой не любит этого. А что, телевизор в номере есть? – спрашивала я.

– Есть телевизор, как же, вот в восьмиместном как раз, – отвечала тетушка. – Только он не работает.

– Безобразие.

Номер был похож на сарай со щелястым полом. Зато топили на совесть. Сумки с передачами я выставила в форточки. Один пакет мгновенно сперли. Я все поняла и больше не проветривала.

Кроме нас, в гостинице жил одинокий армянин. Он слонялся по скрипучим полам и вяло строил куры. Дитя гор несколько оживился, когда выяснилось, что телевизор удалось починить. Он сразу же принес коньяк и застенчиво предложил дружить номерами. Коньяк акцептировали, дружбу пообещали часов до двух. Но хитрый сын урартов просидел до шести: плакался на бессонницу.

Муж стал какой-то скучный. Он ничего не читал, жаловался, что давно нет шоколадки, просил привозить побольше чаю, дрожжи и какой-то краситель. А цвет какой? Говорит, неважно.

Мастер превращений в очередной раз слился с обстоятельствами. Теперь надо было ждать конца срока, чтобы снова наполнять его пустоту своими смыслами. Ведь осинку можно переделать в апельсинку. Главное – вложиться как следует.

– Посылки будут приходить сколько понадобится, – написала я ему через месяц. – А я ушла.

– Вот и кончилась моя сказка, – надрывно отозвался христовый.

Следующее письмо он прислал моей маме. Мама всегда любила дружить против меня. Ах так, подумала я. Пошел к черту.

Но никуда он конечно не пошел. Такой эпистолярый с маменькой развел – за уши не оттащишь. Каждую неделю поди писал. Года два это продолжалось.

После чего сиделец неожиданно выпустился. И еще лет восемь жил на даче у родителей. Сторожил дом, копал огород, бухал.

Последний раз я увидела его перед отъездом в Австралию.

– Уже ухожу, ухожу, ухожу, – забормотал он, увидев меня. Поправляя очки, согнувшись, торопясь к двери.

А потом он пропал.